

ДВЕ ЛЮБВИ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„АНДРЕЕВ И СЫНОВЬЯ“

1992

ДВЕ ЛЮБВИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В мемуарной литературе о Достоевском есть две необычные книги — «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг.» А. Е. Врангеля и «Годы близости с Ф. М. Достоевским» А. П. Сусловой. Это рассказы о первой и второй любви писателя.

«Достоевский не знал, кто и почему его зовут, и, войдя ко мне, был крайне сдержан. Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и с красными же погонами, угрем, с болезненно бледным лицом, покрытым веснушками. Светлорусые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу, — что, мол, я за человек? Он признавался мне впоследствии, что был очень озабочен, когда посланный мой сказал ему, что его зовет «г-н стряпчий уголовных дел». Но, когда я извинился, что не сам первый пришел к нему, передал ему письма, посылки и поклоны и сердечно разговорился с ним, он сразу изменился, повеселел и стал доверчив...»

Так начинаются «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг.», вышедшие в Петербурге в 1912 году и с тех пор печатавшиеся только в отрывках и никогда полностью не издававшиеся. Автор их — барон Александр Егорович Врангель, юрист, дипломат и археолог. В 1854 году он был назначен прокурором в Семипалатинск, где проходил в это время солдатскую службу сосланный туда после омской каторги Достоевский.

Врангель сделал все возможное, чтобы облегчить писателю нелегкую его судьбу, много помогал материально, причем не только в период их близких дружеских отношений в Семипалатинске, но и позднее — в 1860-е годы. В письме к своему давнему другу, поэту А. Н. Майкову, от 18 января 1856 года Достоевский писал: «Александр Егорович барон Врангель, человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, приехавший в Семипалатинск в Сибирь... с великолдушишной мечтой узнать край, быть полезным и т. д.... Мы с ним сошлись, и я полюбил

его очень... Чрезвычайно много доброты... благородство сердца... Добра он мне сделал множество. Но я люблю его и не за одно добро, мне сделанное».*

Убедившись, что Врангель к нему искренне расположен, Достоевский, как это с ним всегда бывало в таких случаях, полностью раскрыл свою новому другу, доверив ему даже самое сокровенное из своей ссылочной жизни — историю первой большой любви и женитьбы на М. Д. Исаевой. Вот почему книга Врангеля — уникальное по полноте свидетельство современника о жизни писателя в тот период, замечательное к тому же с точки зрения проникновения в душевный мир Достоевского, в трагическое (ссылка) и в то же время счастливое (любовь) для него время.

Кто же был автор этих ценнейших «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг.», так много значивший в жизни писателя в этот нелегкий для него период ссылки? Барон Александр Егорович Врангель родился на мызе Вернио Ямбургского уезда 23 июня 1833 года ** в многодетной семье остзейских немецких баронов (из его братьев получил наибольшую известность Николай Егорович Врангель (1847—1923) как писатель и коллекционер картин, а сын Николая Егоровича — Николай Николаевич Врангель (1882—1915) стал известным историком искусства).

Отец Александра Егоровича Врангеля барон Нанс Георг Германн (Егор Ермолаевич) Врангель (1803—1868) — действительный статский советник, предводитель дворянства Ямбургского уезда в 1853—1864 гг., мать — Доротея (Дарья) фон Траубенберг (1807—1851).

Генеалогия этого старинного прибалтийского рода, который, постепенно обруссавая, честно служил России, восходит в глубину веков. Достаточно указать, что в 1887 году в Берлине и Дрездене вышла на немецком языке специальная книга о роде Врангеля: «*Geschichte der Familie von Wrangel vom Jahre zwölfhundert-fünfzig bis auf die Gegenwart*».

Такая многовековая генеалогия не могла не заинтересовать Достоевского, и вполне возможно, что она послужила толчком к созданию романа «Подросток». Занинтересовавшись духовно прочным и устойчивым родом Врангеля, Достоевский мог задумать роман о «случайном семействе» «Подросток». В «Дневнике писателя» за 1877 год он разъяснял: «Спросят: что такое эта случайность и что я под этим словом подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 207.

** См.: «Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften» («Генеалогический справочник прибалтийского рыцарства») в 3 т. Cörlitz, 1930. Т. 1. S. 577.

между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь»*.

Судьба незаконного, «случайного сына» «случайного семейства», подростка Аркадия Долгорукого, противостоит судьбе детей из рода Врангеля, растущих в дружном, любящем, «неслучайном семействе». Поэтому Достоевский и вкладывает в уста Версилова такие слова: «Видишь, друг мой, — говорит Версилов сыну, — я давно уже знал, что у нас есть дети, уже с детства задумывающиеся над своей семьей, оскорбленные неблагообразием отцов своих и среди своей»**.

Однако «установившиеся формы и родовое предание» традиционного исторического рода Врангелей могли натолкнуть Достоевского и на поразительные мысли о духовном, а не о родовом дворянстве: «Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием; в виде хранителя чести, света, науки и высшей идей и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идей. Напротив, ворота в сословие отворены у нас слишком издавна; теперь уже пришло время отворить их окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты. В этом новом или лучше обновленном виде могло бы удержаться сословие»***.

Но традиционное, родовое, корневое семейство Врангелей не чуждалось в первой половине XIX века и либеральных, прогрессивных веяний. Во всяком случае, отец мемуариста Егор Ермолаевич Врангель в молодости был дружен со многими декабристами. М. М. Громыко в своей книге «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850—1854 гг.» (Новосибирск, 1985) проследила отношения с декабристами, сложившиеся за время сибирской службы А. Е. Врангеля в 1854—1856 гг. и переплетавшиеся с линией Достоевский — ялуторовско-тобольская колония декабристов.

«В июле 1854 года я покинул Петербург и отправился через Москву в мой длинный путь, — писал А. Е. Врангель в своих воспоминаниях. — Мое путешествие, служба, пребывание в Тобольске, посещение в Ялуторовске декабристов, товарищей моего отца, пребывание в Омске, а также служба и приключения в Сибири вообще — будут когда-нибудь описаны в моих воспоминаниях».

Эти воспоминания не появлялись в печати, скорее всего А. Е. Врангель не успел их написать, всецело занятый работой над книгой «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг.» Но Врангель здесь абсолютно точен: он действительно навестил декабристов по дороге в Семипалатинск и подружился со

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 178.

** Там же. Т. 13. С. 373.

*** Там же. С. 177—178.

многими из них. 11 декабря 1854 года И. И. Пущин писал Г. С. Батенькову: «...Я имел известия через барона Врангеля... который приехал сюда служить в новую Семипалатинскую область. Он у меня погостили несколько дней, и я его благословил на доброе дело, только советовал смотреть на дела людские с некоторой снисходительностью, чтобы не лишить себя возможности быть полезным»*.

Через Врангеля Достоевский заочно познакомился со многими декабристами, а сам барон пишет из Семипалатинска И. И. Пущину о своем новом друге только в восторженном и приподнятом тоне: «Судьбе угодно было сблизить здесь с человеком примечательным, с которым я очень сблизился и которому буду очень многим обязан. — это Достоевский» **.

П. П. Косенко, посвятивший теплые страницы А. Е. Врангелю в своей книге «Сердце остается одно. Достоевский в Казахстане» (Алма-Ата, 1969), совершенно справедливо отмечает, что «как добный немецкий молодой человек Врангель, разумеется, относился ко всем своим звездоносным родственникам с полной почтительностью; их немецко-петербургское мировоззрение никогда не было для него предметом обсуждения и тем более осуждения. Но сам он все-таки был человеком уже иного времени. Тогда нарождалось и делало первые служебные шаги чиновничество другой формации, пережившее свой недолгий расцвет в первые годы царствования Александра II. Это были ужасные либералы, полные стремления служить «делу, а не лицам». Причиной всех зол считали они взяточничество, с искоренением его Россия должна была вступить на дорогу прогресса... Он [Врангель] был все же человеком довольно широкого кругозора, живо интересовался наукой, особенно теми ее отраслями, которые тогда собирательно назывались естественной историей, и литературой***.

Дипломат, археолог, юрист и путешественник Александр Егорович Врангель окончил в 1853 году Александровский Лицей, где учились петрашевцы М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. А. Спешнев, Н. С. Кашкин, А. И. Европеус, с которыми он и его отец были знакомы лично. И хотя по просьбе отца Врангель прослужил год в Министерстве юстиции и вполне мог сделать столичную карьеру, все же романтика, а главное, желание как можно быстрее и больше принести пользы России перевесили, и Врангель добровольно отправился на должность областного прокурора недавно созданной Семипалатинской области.

«В министерстве своем я ничему не научился, нашим практическим образованием там никто не занимался,— вспоминает Брангель.— Служба моя ограничивалась перепискою вздорных бумаг и составлением самых простых отношений, все более серьезное и

* Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1955. С. 280.

** Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского: 1850—1854 гг. Новосибирск, 1985. С. 66.

*** Косенко П. П. Сердце остается одно: Достоевский в Казахстане. Алма-Ата, 1969. С. 45, 46.

сложное делалось опытными столоначальниками. Меня особенно тянула в эти дальние, неведомые страны моя страсть к наукам, к естественной истории, к путешествиям и к охоте. Сибирь в то время была малоизвестна; о ней говорили тогда даже образованные люди, как о стране чуть ли не вечных снегов, юдоли и печали; благодаря местам ссылки, ее называли «каторжной», и все, кто ехал туда, считались чуть ли не пропавшими».

Но ничто не могло остановить Брангеля в его желании поработать в Семипалатинске «стяжчим казенных и уголовных дел», как называли областного прокурора. Это желание еще более усилилось, когда Брангель узнал, что в Семипалатинске отбывает ссылку после каторги талантливый писатель Федор Михайлович Достоевский. Брангель был не только поклонником его таланта, очень любил его ранние вещи, особенно «Бедные люди», но и всю жизнь не мог забыть страшную сцену с участием Достоевского, свидетелем которой он оказался.

Утром 22 декабря 1849 года шестнадцатилетний барон Александр Егорович Врангель присутствует на казни петрашевцев. И хотя юношу уговаривают немедленно покинуть место казни, иначе слишком любопытного лицензия могут заподозрить в преступном сочувствии к осужденным, Врангель не уходит. Вместе со всеми он переживает этот ужасный обряд смертной казни Достоевского и остальных петрашевцев и столь же неожиданное их помилование — новый приговор: каторга и ссылка.

Именно здесь истоки того поразительного сострадания, которое всегда испытывал Врангель по отношению к Достоевскому. Его всеобъемлющая и трогательная забота о писателе восходит к сцене казни 22 декабря 1849 года.

Когда брат Достоевского, Михаил, с которым Врангель был знаком, узнал, что Александр Егорович будет служить в Семипалатинске, где отбывает ссылку рядовым в 7-м Сибирском линейном батальоне Федор Достоевский, он попросил молодого прокурора отвезти ссылочному письмо, книги, белье и деньги. Врангель охотно взялся исполнить поручение.

20 ноября 1854 года Врангель добрался до Семипалатинска и, едва устроившись на квартире у местного купца Степанова, буквально на следующий же день вызвал к себе Достоевского. Слезы выступили на глазах у Достоевского, когда он стал читать письмо от брата — четыре года он не имел никаких писем от родных. Случилось так, что именно в это время Врангелю тоже принесли письма от родных и, вспомнив о том, как они далеки, и глядя на страдальческое, измученное лицо Достоевского, Врангель тоже разрыдался. Они крепко обнялись. С этого момента началась их дружба, тем более удивительная, если учсть что Достоевский был старше своего нового друга на двенадцать лет.

С той самой первой встречи, когда Врангель 21 ноября 1854 года увидел ссылочного писателя, он начал настойчивую, целеустремленную и необычайно активную борьбу за Достоевского. Можно с уверенностью сказать, что именно Врангель больше всего

сделал для облегчения участи Достоевского в ссылке: ввел его во многие «начальственные» дома Семипалатинска, предпринял героические усилия, чтобы Достоевскому снова дали офицерский чин, разрешили вернуться в Европу, дали возможность печататься, — одним словом, сделал все от него возможное и невозможное для полной амнистии писателя.

Здесь важно отметить, что Врангель, близко соприкасаясь с Достоевским в Семипалатинске, поверил сразу же и безоговорочно в его гигантский нереализованный творческий потенциал, в то время как многие, даже проницательные современники считали, что Достоевский уже исчерпал себя. Известно, например, что Н. А. Некрасов, прочтя повесть «Село Степанчиково и его обитатели», сказал: «Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше»*.

И стремление Врангеля облегчить участь Достоевского в ссылке, неуемное желание добиться его полной амнистии — это прежде всего и главным образом спасение творческого гения писателя. И хотя явно либеральная деятельность Врангеля на посту семипалатинского прокурора (некоторые «идеологические» черты этого гуманного прокурора можно найти у следователя новой формации Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании»), вызывавшая не всегда положительную реакцию местных властей, а также огромное желание самого Врангеля снова увидеть своих родных и принести пользу на поприще археологии, географии и дипломатии ускорили его отъезд из Семипалатинска, все же была еще одна, пожалуй, самая главная причина отъезда Врангеля, о которой он, по скромности, не пишет в своих воспоминаниях.

Его отъезд был связан с именем Достоевского, с желанием спасти его творческий гений. И Врангель скорее рвется в Петербург, прекрасно понимая, что в столице он может сделать гораздо больше для полной амнистии писателя. Так и случилось. Спасение творческого гения Достоевского и есть величайшая заслуга Александра Егоровича Врангеля перед русской и мировой литературой и культурой.

Вернувшись в Петербург весной 1857 года, Врангель скоро отправляется в кругосветную экспедицию с русской эскадрой, получив специальное задание, — собрать естественно-историческую коллекцию и сделать точное описание путешествия. В 1858—1859 годах Врангель участвует в подготовке важного для России Айгунского договора с Китаем, затем представляет Россию за рубежом в различных консульствах и посольствах.

Однако где бы ни находился Врангель, он всегда помнит о своем «дорогом» и «незабвенном» семипалатинском друге. Так, 20/8 февраля 1858 года он спрашивал М. М. Достоевского: «Ради Бога, что делает и где брат Федор? Вот уже десять месяцев, что

* Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути//Григорович Д. В. Литературные воспоминания: С прилож. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928. С. 422.

я не получаю писем. Напишите ему, чтоб он писал моему отцу, тот доставит мне его послания... Прощайте, не забывайте меня и, если увидите Федора раньше, чем я, то обнимите и поцелуйте его, ибо он мой брат и друг»*.

Но и Достоевский в восторженных тонах рекомендует своего молодого друга в письмах к родным и друзьям, да и в письмах друг к другу Достоевского и Врангеля неизменно присутствует этот же дружески-восторженный тон, и Врангель имел полное основание включить в свои воспоминания письма к нему Достоевского, так как они составляют единое целое с его мемуарами**.

Достоевский глубоко проник в характер Александра Егоровича Врангеля, когда писал ему из Семипалатинска 9 марта 1857 года: «..Характеры, как у Вашего отца — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем, ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у Вас с ним. Его тоже нужно щадить, и Вы знаете это лучше меня. Знаете что, друг мой милый: мне кажется, что Вы такого же характера, тоже больны сердцем и душою, и если в Вас еще не развилась мнительность и подозрительность, то не было случая, или еще рано, то есть разовьется потом. Зато у Вас болезненно развилась чувствительность. Берегите и спасайте себя от этого; сильные перевороты в жизни помогают всегда; я был ипохондриком в высшей степени, но излечился вполне крутым переворотом, случившимся в судьбе моей»***.

Под «полне крутым переворотом» Достоевский имеет в виду свою женитьбу на М. Д. Исаевой, намекая в то же время, что Врангель не решился сделать такой же переворот в своей судьбе, когда влюбился в Сибири в жену горного начальника Алтайских заводов полковника А. Р. Гернгросса Екатерину Иосифовну Гернгросс. Этот роман, о котором Врангель, естественно, глухо упоминает в своих воспоминаниях, нашел отражение в повести Достоевского «Вечный муж».

После возвращения писателя из Семипалатинска в Тверь, а затем и в Петербург его переписка с Врангелем то прекращалась, то возобновлялась, да и встречи были редкие. И не только потому, что Врангель кочевал по миру как дипломат и путешественник. В значительной степени редкие общения и редкая переписка происходили по вине Достоевского. После принудительной каторги и солдатчины для писателя неизбежно должна была начаться «живая жизнь».

* Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881). Публикация Л. Р. Ланского //Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 376.

** 12 писем Врангеля к Достоевскому за 1856—1866 гг., хранящиеся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства, опубликованы Т. И. Орнатской//Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 262—285.

*** Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 270.

Эта «живая жизнь» включала и все, что свалилось на Достоевского сразу: и потеря жены и брата, и практически разрыв отношений с другой любимой женщиной, и катастрофические долги по двум журналам, которые они издавали вместе с братом, и обязательство содержать его вдову и четверых детей, и грозящая долговая тюрьма, и попытка писать одновременно два романа — «Игрок» и «Преступление и наказание».

31 марта — 14 апреля 1865 года Достоевский писал Врангелью: «Милый, добрый друг мой, Александр Егорович, я понимаю, что Вы должны были очень удивиться и, конечно, судя по чувствам Вашим ко мне, оскорбиться моим молчанием в ответ на оба Ваши задушевные, добреши письма. Не удивляйтесь и не оскорбляйтесь. Я Вам тотчас же хотел тогда ответить и не мог. Почему? Прочтите ниже. Но Вас, друга моего в то время, когда у меня не было друзей, свидетеля и моего бесконечного счастья и моего страшного горя (помните ту ночь в лесу, под Семипалатинском, когда мы их [Исаевых] провожали); друга моего и потом здесь, в Петербурге, ходатая за меня — Вас могли бы я забыть? Напротив, во все эти годы много раз я об Вас думал и вспоминал. Но что была моя жизнь в это время. Я Вам обязан объяснением и даже отчетом, чтоб разъяснить мое недавнее молчание на Ваши письма... И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое... О, друг мой, я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, насконо... А между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошачья живучесть!» *

От кредиторов, описи имущества и долговой тюрьмы Достоевский бежит за границу со 175 рублями в кармане. В конце июня 1865 года он приезжает в Висбаден и в пять дней проигрывает на рулетке все свои деньги. Он прекрасно знал эту свою несчастную страсть, как иррациональный противовес своей тяжелой судьбе, как и хорошо понимал, что всегда сумеет побороть эту страсть, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется, душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел».

В убогой комнате маленького висбаденского отеля с утра до вечера Достоевский пишет гениальный роман мировой литературы «Преступление и наказание», без еды и без света (ему нечем заплатить за них), в такой же нищете, как и герой этого романа, Достоевский работает, «сжигаемый какой-то внутренней лихорадкой», торопясь и отчаявшись.

Достоевский пишет отчаянные письма своим друзьям и знакомым, умоляет прислать ему деньги, чтобы рассчитаться с долгами, вырваться из проклятого висбаденского отеля и вернуться в Россию. Но лишь один человек по-настоящему выручает его. Это

Александр Егорович Врангель. Он снова спасает Достоевского, как неоднократно спасал его при материальных затруднениях в Семипалатинске, когда развивался бурный роман писателя с М. Д. Исаевой.

О последней встрече с Достоевским в Петербурге в 1873 году Врангель вспоминал: «Время и долгая разлука (свыше семи лет), конечно, наложили свою печать на наши отношения, к тому же в этот день он показался мне раздраженным и нервным: куда-то торопился. О прошлом ни слова; он даже не сказался мне, что он вторично женился и как идут дела его...»

Врангель абсолютно прав. Действительно, время и долгая разлука наложили печать на их отношения. Но Врангель не знал, что Достоевский — теперь уже отец семейства во втором счастливом браке — по-прежнему в большой нужде, и именно нужда заставила его в 1873 году редактировать одиозный журнал князя В. П. Мещерского «Гражданин», и это редактирование отнимало у него последние силы. Но не это, очевидно, главная причина «разминки» писателя и его семипалатинского друга. За то время, что они не виделись, Достоевский написал три великих романа: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», а переди его ждали новые гениальные прозрения — прозрения, недоступные его друзьям и современникам. Он предвидел на сто лет вперед и жил совсем в другом духовном измерении, чем все, с кем он встречался и кто его окружал. Врангель в данном случае не составил исключения, тем более, если учсть, что со дня их первой встречи в Семипалатинске прошло почти двадцать лет и за эти годы Достоевский неизмеримо вырос духовно или, говоря его же словами, окончательно произошло «перерождение его убеждений».

И все-таки Достоевский не мог забыть своего семипалатинского друга. Он вспомнил не только старый, корневой, «неслучайный» род Врангеля, когда создавал роман о «случайном семействе» «Подросток», но и вспомнил чистое, открытое, нежное и ищущее сердце Александра Егоровича Врангеля, когда создавал образ главного героя романа — подростка Аркадия Долгорукого. И в последнем романе «Братья Карамазовы» Достоевский мог вспомнить своего юного семипалатинского друга. Иван Карамазов рассуждает, о чем же могут говорить «русские мальчики», когда они «поймали минутку»: «О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время» *. Достоевский вспомнил здесь не только разговоры о Боге и социализме, которые вели «русские мальчики» 1840-х годов — петрашевцы, но

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 115, 116, 119, 120.

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 213.

и аналогичные разговоры с Александром Егоровичем Врангелем в Семипалатинске.

А сам Врангель не обиделся на последнюю прохладную встречу — кульп Достоевского он пронес через всю жизнь. Вот как писала об этом дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская: «Впоследствии барон Врангель оставил министерство и посвятил себя дипломатии. Он стал посланником на Балканах, долгое время жил там и встречался со многими выдающимися людьми. Но в конце своей жизни он вспоминал только о своей дружбе с Достоевским. Мои соотечественники, встречавшиеся с ним в Дрездене, когда он занимал там свой последний пост русского консула, рассказывали мне, что каждый раз, когда с ним знакомился какой-нибудь русский, барон Врангель тотчас же ему рассказывал, что он был другом великого писателя Достоевского и сообщал с мельчайшими подробностями об их совместной жизни в Семипалатинске... Барон Врангель понял, когда достиг преклонного возраста и подвел итоги жизненного пути, что лучшей страницей в книге его жизни была дружба с великим писателем и что он не мог бы оказать большей услуги человечеству, обеспечив, благодаря своей деликатности и хорошему воспитанию, больному и гениальному человеку, покинутому своими родными, несколько месяцев покоя после только что пережитого им страшного испытания»*.

Александр Егорович Врангель скончался 12 сентября 1915 года в Дрездене**. И очень знаменательно, что свои воспоминания о писателе Врангель выпустил отдельной книгой за три года до своей кончины: на пороге смерти он понял, что самое великое и дорогое, что послала ему судьба, — это жизнь с Достоевским в Семипалатинске.

Книга Врангеля о Достоевском — не только одно из немногих свидетельств современников о жизни писателя в период его семипалатинской ссылки, но и самое полное свидетельство. На первый взгляд может показаться, что в мемуарах Врангеля много излишних сведений о политическом и экономическом положении населения и ссыльных в Сибири, например подробное описание страшной Тобольской тюрьмы. Однако это ошибочное впечатление. Врангель сознательно задерживает наше внимание на этих подробностях, так как почти все рассказанное им о сибирских заключенных относится к периоду пребывания в Сибири Достоевского.

Столь же подробно Врангель описывает быт Достоевского-солдата, его тяжелую и безрадостную службу («Бедному Ф. М., — пишет Врангель, — ежедневно приходилось два-три часа стоять

* Новые страницы из книги дочери Ф. М. Достоевского. Публикация С. В. Белова // Сибирские огни, 1987, № 12. С. 167.

** См.: «Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften» в 3 т. Görlitz, 1930. Т. I. С. 577. Дату смерти А. Е. Врангеля, которая многие годы оставалась неизвестной достоевским, нам помог установить по этому изданию петербургский знаток генеалогии И. В. Сахаров.

в строю; особенно изводил его парадный тихий шаг в три приема»), тщательно реконструирует тот круг лиц, с которыми общался в Семипалатинске писатель. Все это абсолютно достоверно и полностью совпадает с другими, к сожалению, немногочисленными мемуарными свидетельствами о жизни Достоевского в Семипалатинске.* Некоторые страницы воспоминаний Врангеля, как, скажем, их совместное проживание с Достоевским в «Казаковом Саду», рассказывающие о поразительной, неиссякнувшей человечности писателя после четырех лет страшной катоги, принадлежат к лучшим страницам русской мемуарной прозы.

Практически все характеристики, которые дает Врангель лицам из семипалатинского окружения Достоевского, точны и справедливы. Так, например, он называет одного человека в Семипалатинске — В. В. Обуха — «милейший артиллерийский офицер». Поиски неутомимого краеведа Н. П. Ивлева подтвердили, что речь идет о замечательном человеке Василии Васильевиче Обухе, хорошо знакомом также и с Чоканом Валихановым**. Теплые страницы в своей книге Врангель посвятил и выдающемуся казахскому просветителю Чокану Валиханову, которому Достоевский предсказал великое будущее.

Ряд сведений о лицах из окружения Достоевского Врангель приводит впервые, и потом уже эти сведения повторяют все исследователи семипалатинского периода жизни писателя. Так, например, мы узнаем, что Достоевский дружил с поляком, военным врачом в Семипалатинске Станиславом Августовичем Ламоттом.

Книга Врангеля помогает нам разгадать происхождение фамилии Карамазовых в последнем гениальном романе Достоевского. Штабс-капитанша Снегирева, здороваясь с Алешей Карамазовым, называет его «Черномазов», и, когда Снегирев ее поправляет, она снова повторяет: «Ну, Карамазов, или как там, а я всегда Черномазов». В фамилии Карамазов штабс-капитанша Снегирева не случайно выделяет два корня: *кара* (черный) и *маз* (мазь, мазать). *Кара* означает «черный» на языке тюркских народов. После чтения мемуаров Врангеля мы можем определенно утверждать, что Достоевский слышал это слово «*кара*» от казахов в Семипалатинске. Врангель приводит и прозвище «карасакал» — черная

* См.: Яковлев Н. Заметка о жизни Достоевского в Семипалатинске // Сибирь, СПб., 1897, 11 июля, № 80; К. Заметка о пребывании Ф. М. Достоевского в Семипалатинске // Степной край, Омск, 1896, 17 марта, № 21; Скандин А. В. Достоевский в Семипалатинске // Исторический вестник, 1903, № 1. С. 202—216; Б.-Г.-в [Б. Г. Герасимов] Достоевский в Семипалатинске // Сибирские огни, 1924, № 4. С. 140—150.

** См.: Ивлев Н. П. И оживают биографии: Записки краеведа. Алма-Ата, 1983. С. 93—100: гл. «Верненский артиллерист». О необходимости знания мемуаров Врангеля свидетельствует и комментарий к письму Достоевского к Врангелю от 9/XI 1856 г. в полном собрании сочинений Достоевского в 30 т. (Т. 28. Кн. 1. С. 244), когда Достоевский пишет «Обух в Верном», а комментаторы замечают (с. 476): «Кого Достоевский имел в виду под прозвищем „Обух“, неизвестно».

борода, черные бакенбарды, и название реки Кара-Иртыш — Черный Иртыш, впадающей в озеро Нор-Зайсан.

И это помогает вскрыть глубокую семантику фамилии «Карамазов». Всех Карамазовых объединяет темное, черное начало. Карамазовы — черные люди, в них стихийная сила богатой, плодородной, черноземной земли, но в слове «чернозем» тоже два корня *черн*, *черный*, и *зем*, *земля*. Какие плоды принесет чернозем, что перевесит в черноземе: черное, темное начало — и тогда земля родит четвертого сына Федора Павловича Карамазова — Смердякова, или победит в слове *чернозем* вторая часть этого слова — *земля*, которая всегда является для Достоевского чем-то священным, одухотворенным. А если победит «*земля*», то в Черноземовых-Карамазовых исчезнет темное, черное начало. В этом смысл эпиграфа к «Братьям Карамазовым» (цитата из Евангелия от Иоанна): «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Бесценный материал для исследователей творчества Достоевского дают те страницы воспоминаний Врангеля, где он рассказывает о работе писателя над такими произведениями, как «Записки из Мертвого дома», «Село Степанчиково и его обитатели», «Дядюшкин сон», над статьями «Письма об искусстве», («О России»).

Иногда Врангель слегка утрирует провинциальный семипалатинский быт, а его некоторые утверждения, особенно касающиеся мировоззрения доктора Достоевского, нуждаются в коррекции. Мемуарист прав, когда, следуя и за высказываниями Достоевского в Семипалатинске, и за его «Дневником писателя», свидетельствующими о том, что на каторге и в ссылке произошло «перерождение» его «убеждений» и бывший атеист и петрашевец становится христианином и монархистом, правильно пишет о его новом мировоззрении. Однако фраза Врангеля «Достоевский мне впоследствии говорил, что он никогда даже не разделял крайних идей Петрашевского о получении конституции насилием», требует поправки. Врангель не прав: Достоевский разделял самые «крайние идеи» петрашевцев «о получении конституции насилием». Но это стало известно уже после смерти Врангеля*, а своему семипалатинскому другу Достоевский не стал говорить об этом, ибо ко времени встречи с ним писатель был уже другим человеком.

Именно такого человека новых убеждений и застал в Семипалатинске Врангель. Вот почему Врангель гуманно и справедливо выступает в защиту Достоевского, как автора патриотических стихотворений «На первое июля 1855 года» и «На коронацию и заключение мира», посланных им в Петербург на Высочайшее имя. «И кто знает, не прибегни Достоевский к *средству*, за кото-

* См.: Письмо А. Н. Майкова к П. А. Висковатову (1885 г.) // Достоевский: Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 266—277; Рассказ А. Н. Майкова о Ф. М. Достоевском и петрашевцах в записки А. А. Голенищева-Кутузова // Исторический вестник, 1956, № 3. С. 222—226.

рое так резко осуждают его строгие критики, — пишет Врангель, — не погиб ли бы в дебрях Сибири безвременно один из величайших русских писателей — гордость России?!

Поэтом Достоевский оказался совершенно бездарным, и эти стихотворения производят довольно вымученное, тяжелое впечатление: ясно, что это отчаянные попытки писателя вернуться в литературу, добиться полной свободы. Но Врангель прав в самом главном: эти стихотворения абсолютно искренни.

Самые сильные страницы книги Врангеля — это взволнованный рассказ о первой большой любви писателя. Вся многострадальная история этой любви полностью раскрывается в воспоминаниях Врангеля и в письмах к нему Достоевского.

Еще перед отъездом в Семипалатинск Достоевский писал из Омска жене декабриста Наталье Дмитриевне Фонвизиной, четыре года назад «благословившей его в новый путь»: «Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени, должно случиться что-нибудь очень решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае неизбежное»*.

Пророческое предчувствие перелома в судьбе не обмануло Достоевского. Он страстно влюбился в жену таможенного чиновника в Семипалатинске А. И. Исаева Марию Дмитриевну Исаеву. Писателя целиком захватила эта первая большая любовь, и Врангель, хотя и не до конца верил в искренность чувства Марии Дмитриевны, и морально, и материально сделал все возможное и невозможное, чтобы эта любовь развивалась и крепла и чтобы Мария Дмитриевна стала женой Достоевского.

Страницы воспоминаний Врангеля, рассказывающие о том, как Достоевский любил со всей страстью поздней первой любви, напоминают своим лихорадочным и нервно-возбужденным тоном художественные произведения писателя, но прежде всего и главным образом письма самого Достоевского к Врангелю, повествующие об этой любви. «Сцену разлуки я никогда не забуду, — вспоминает Врангель об отъезде Марии Дмитриевны из Семипалатинска, когда ее муж получил назначение в Кузнецк как раз в те дни, когда писатель поверил в ее взаимное чувство. — Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок... Дернули лошади, тронулся экипаж... а Достоевский все стоит, как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам. Я подошел, взял его руку — он как бы очнулся после долгого сна и, не говоря ни слова, сел со мною в экипаж. Мы вернулись к себе на рассвете. Достоевский не прилег — все шагал по комнате и что-то говорил сам с собою. Измученный душевной тревогой и бессонной ночью, он отправился в близлежащий лагерь на учение. Вернувшись, лежал

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 177.

весь день, не ел, не пил, только нервно курил одну трубку за другой... Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень».

Именно Брангелию, поверенному своей первой большой любви, Достоевский рассказывает в письме от 31 марта — 14 апреля 1865 года пронзительно исповедально и откровенно о смерти Марии Дмитриевны и о своих отношениях с ней: «Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием. О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Все расскажу Вам при свидании, — теперь же скажу только то, что несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю мою жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уже год, а чувство все то же, не уменьшается...» *

Это признание тем более поразительно, если учесть, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны Достоевский страстно любил другую женщину...

*
* * *

При внимательном чтении романа Достоевского «Игрок» можно почувствовать, что необычайная личная взволнованность пронизывает повествование всюду, где на сцену является Полина. По словам второй жены писателя А. Г. Достоевской, Федор Михайлович говорил ей во время работы над «Игроком», что «много из его [игрока — С. Б.] чувств и впечатлений испытал сам на себе» **. Относилось ли это признание только к его страсти к игре или сюда входила и страсть к женщине? Образ Полины исключительно ли продукт творческого воображения или проекция и личного опыта? Этот вопрос приобретает тем большее значение, что черты Полины и позже повторяются в женских образах Достоевского (Настасья Филипповна, Лиза, Грушенька).

И если образ Полины первый в ряду «инфернальных» женщин Достоевского, то не следует ли внимательнее заглянуть в тот период жизни писателя, когда слагался замысел «Игрока», и по-

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 116.

** Достоевская А. Г. Воспоминания/Вступит. статья, подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М., 1987. С. 82—83.